

I. Антизападные идеологические течения в постсоветской России и их истоки (12)*

Андреас Умланд

Реставрационный и революционный империализм в политическом дискурсе России: сдвиг постсоветского идеологического спектра вправо и антизападный поворот Кремля**

Решимость, с которой Москва в 2008 г. превратила Абхазию и Южную Осетию в российские протектораты, а в 2014 г. аннексировала Крым и провела скрытую военную интервенцию на Донбассе, как и другие политические акции Москвы в новом веке, действует отрезвляюще. Постепенное изменение кардинального направления российской внешней политики, особенно в последнее десятилетие, может показаться непонятным, если исходить из современных западных политических систем политических координат. Оно, с западной точки зрения, противоречит не только предполагаемым стратегическим национальным интересам России, но иногда, кажется, даже простому здравому смыслу.

Преобладающие как в общественном дискурсе, так и в сообществе политологов толкования все более глубоких видоизменений в российской внутренней и внешней политике можно разделить на три группы: личностно-биографические подходы, политэкономические объяснения и историко-философские интерпретации. Аналитики, представляющие первый подход, концентрируют внимание на биографиях ключевых политических фигур, например, на прошлом доминирующих российских элит при Владимире Путине, в частности на их профессиональном формировании в КГБ, МВД и вооруженных силах СССР. Политические экономисты комбинируют в своих объяснениях упадка демократии при Путине наблюдения институциональных дефектов, социальных особенностей, лоббистских групп, неформальных механизмов и экономических структур постсоветской России¹.

* См. также ранние 11 спецвыпусков по той же тематике в *Форуме* (2009. № 1. С. 5-218 и № 2. С. 5-174; 2010. № 1. С. 5-148 и № 2. С. 7-186; 2011. № 1. С. 7-158 и № 2. С. 7-156; 2012. № 1. С. 7-142 и № 2. С. 7-176; 2013. № 2. С. 233-360; 2015. № 1. С. 141-342 и № 2. С. 75-182).

** Впервые опубликовано на русском языке в киевском электронном издании *The Ideology and Politics Journal* (2017. № 2). Печатается с некоторыми изменениями.

¹ Fish St. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge, 2005.

Интерпретаторы-историософы же ратуют за «глубокое» понимание российской политики и расценивают недавние события российской истории как хрестоматийные закономерности исторического развития России, если не истории человечества в целом². Среди них и откровенные апологеты нынешнего российского политического регресса, которые поддерживают мнение, что Россия должна идти своим «особым» историческим путем³. Они часто исходят из представления о России не как о европейской нации, а как о самостоятельной цивилизации, и не как об обычном национальном государстве, но как об естественным путем разросшейся империи, которая нуждается не в «западной», а в собственной «суверенной» демократии⁴.

Другие политические обозреватели, также стоящие на историософских позициях, исходят из того, что сегодняшняя Россия находится на переходном этапе и что недавно введенные ограничения политических свобод в стране – временны⁵. Такие историософы, как, например, выдающийся американский политолог российского происхождения Александр Янов⁶, рассматривают развитие российской истории как повторяющийся патологический цикл сменяющих друг друга, попеременных прото-революционных, реставрационных и консервативных фаз – своего рода порочный круг, из которого Россия до сих пор так и не смогла выйти⁷.

Все три интерпретационных подхода – как биографический, так и политэкономический и историософский – представляются полезными и равноценными. Тем не менее, они по разным причинам лишь частично удовлетворительны. Биографический подход фиксируется на роли отдельных политических фигур и оперирует микроуровнем анализа персонажей политики и экономики России. Наоборот, различные историософские подходы часто имеют фаталистический характер и мыслят на макро-, если не на мета-уровне. В конечном счёте они представляют собой скорее выражения определенных общих воззрений, чем выводы из информативной комбинации эмпирического анализа с обществоведческими теориями.

² Пример этого подхода: Ehlers K. Putin – ein Fehler? // *Eurasisches Magazin*. 2008. № 11; Maresch R. Die Entwestlichung der Welt ist längst im vollen Gang // *Eurasisches Magazin*. 2009. № 3; Maresch R. Zwischen Ressentiment und Appeasement // *Eurasisches Magazin*. 2009. № 1.

³ См. к идее особого пути, напр.: Luks L. Der russische «Sonderweg»? Aufsätze zur neuesten Geschichte Rußlands im europäischen Kontext. Stuttgart, 2009.

⁴ Об этой концепции см., напр.: Казанцев А. «Суверенная демократия»: структура и социально-политические функции концепции // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2007. № 1; Schulze P.W. Souveräne Demokratie: Kampfbegriff oder Hilfskonstruktion für einen eigenständigen Entwicklungsweg? Die Ideologische Offensive des Vladislav Surkov // *Russland heute: Rezentralisierung des Staates unter Putin* / Ed. M. Buhbe, G. Gorzka. Wiesbaden, 2007. P. 293–312; *Identities and Politics During the Putin Presidency: The Discursive Foundations of Russia's Stability* / Ed. P. Casula, J. Perovic. Stuttgart, 2009.

⁵ Напр.: Ehlers K. Worüber lohnt es zu diskutieren? // *Eurasisches Magazin*. 2009. № 1.

⁶ Янов А. *Русская идея и 2000 год*. N.Y., 1988; Yanov A. *The Origins of Autocracy: Ivan the Terrible in Russian History*. Berkeley, 1981.

⁷ Kantor V. *Willkür oder Freiheit? Beiträge zur russischen Geschichtsphilosophie*. Stuttgart, 2006.

Эти разные подходы на микро- и макроуровне можно принимать или нет. В любом случае требуются интерпретации и на мезоуровне, т.е. среднем уровне. Такие теории оперируют в области, промежуточной между характеристиками отдельных ключевых личностей, с одной стороны, и размышлениями исторической метаполитологии, с другой.

Упомянутые выше политические экономисты проводят свои исследования на мезоуровне. Но их анализ ценен в основном для понимания изменения институциональной структуры российской политики, скажем, возросшей концентрации власти в руках Путина и возрождения российского авторитаризма в новой форме. Политэкономические теории только частично объясняют сопровождающую такое перераспределение власти стремительную радикализацию внутреннего дискурса, эскалацию политической риторики и растущую внешнюю агрессивность России. Последние явления политическим экономистами часто рассматриваются скорее или даже исключительно как инструменты, декорации или последствия, а не как источники, факторы или катализаторы существенных институциональных, политических и поведенческих изменений.

В данной статье сделана попытка интерпретации антизападного поворота в московском политическом мейнстриме и российской внешней политике, в основе которой лежит анализ реструктурирования идеологического спектра публичного дискурса России при Путине⁸. Изменения международной позиции, внешних и внутренних действий Москвы объясняются с учетом недавних модификаций российских партийных, интеллектуальных и медийных дебатов и соответствующих сдвигов в общем ландшафте основных политических идей московских истеблишмента и мейнстрима, в том числе – в полуавтономном гражданском и «негражданском» обществе⁹.

Как мы увидим, разработанные на основе послевоенных западных типологий идеологии и мыслительные шаблоны лишь частично пригодны для структурного распознавания полного спектра доминирующих публичных политических доктрин в путинской России. На таком фоне, эта статья является попыткой внести вклад в «герменевтику» недавних изменений российских политических риторики, идей, политики и поведения. Представленная здесь обобщающая аргументация основывается на многолетних эмпирических исследованиях постсоветского русского национализма и воспроизводит только малую часть соответствующих наблюдений. По этой причине в сносках ниже приведены сразу несколько моих ранних публикации, в которых изложены факты, данные и цитаты, на основании кото-

⁸ Umland A. Das postsowjetische Russland zwischen Demokratie und Autoritarismus // Eurasisches Magazin. 2008. № 11. P. 14–21.

⁹ Umland A. Die rechtsextremistische APO im heutigen Rußland: Ultrationalistische Denkfabriken als Bestandteil der postsowjetischen «unzivilen Gesellschaft» // Rußland – ein starker Staat? / Ed. M. Wegner, V. Haney, A. Jahn. Jena, 2003. P. 123–143; Umland A. Das Konzept der «unzivilen Gesellschaft» als Instrument vergleichender und rußlandbezogener Rechtsextremismusforschung // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2009. № 1. P. 129–147.

рых я пришел к представленному здесь толкованию недавнего процесса трансформации российского публичного политического дискурса.

В последние годы в РФ приобрела значение новая и необычайно агрессивная – по крайней мере, с западной точки зрения – форма российского экспансионизма. Этот явный неоимпериализм, который здесь назван «революционным», в девяностых годах еще считался в России маргинальным¹⁰. Сегодня же он является политически презентабельной идеологией, которая имеет своих представителей как в гражданском обществе, так и в высших эшелонах власти. Как будет показано далее, этот революционный империализм возник «справа» по отношению к доминировавшему в постсоветской России реставрационному ирредентизму как опознаваемый и публично акцептируемый отдельный политический лагерь. Представители революционного империализма сегодня постоянно присутствуют в главных СМИ страны, а их идеи находят свое отражение в дебатах политических экспертов и общественных наук. В процессе и результате консолидации политических позиций, например, ЛДПР Владимира Жириновского, Международного евразийского движения Александра Дугина и подобных организаций, в официально разрешенных телевизионных и интеллектуальных дискурсах в последние несколько лет в России наблюдается неуклонный сдвиг политического центра вправо¹¹.

Эта реструктуризация идеологического спектра может рассматриваться либо как причина, либо как следствие изменений в персональном составе и политических взглядах высшего руководства России. Амбивалентность этого явления как одновременно направляющего фактора, так и побочного эффекта от антизападного витка путинской политики может представляться ускользающей от определения. Но такая неоднозначность в установлении причинно-следственных связей хорошо известна исследователям, сталкивающимся с методологическими проблемами научного анализа реального мира. Получение удовлетворительных ответов о том, вообще ли, в каком направлении, в каком порядке, в какой комбинации и насколько сильно наблюдаемая корреляция каких-либо двух явлений обозначает причинно-следственный процесс – общенаучный вызов, возникающий во многих эмпирических исследованиях, будь они общественные, психологические, медицинские или естественные. Эта проблема часто не решается полностью, а иногда даже в принципе нерешаема в целом ряде важных научных вопросов¹².

¹⁰ Ortung R.W. The Russian Right and the Dilemmas of Party Organisation // *Soviet Studies*. 1992. № 3. P. 445–478; Williams Ch., Hanson S.E. National-Socialism, Left Patriotism, or Superimperialism? The Radical Right in Russia // *The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989* / Ed. S. Ramet. University Park, 1999. P. 257–278.

¹¹ Исключительно важная недавняя монография Антона Шеховцова о кремлевских связях с радикальными правыми на Западе здесь еще не учтена. См.: Shekhovtsov A. *Russia and the Western Far Right: Tango Noir*. Abingdon, 2017.

¹² Bailey K. *Methods of Social Research*. N.Y., 2007. P. 50

В любом случае реконфигурация идеологического спектра России остается заметным явлением, сопровождающим и выражающим изменение публично доминирующих российских политических мировоззрений при Путине. Более того, третий Президент России Дмитрий Медведев как относительно либеральный и прозападный лидер во время своих частичных реформ 2008-2012 гг. также должен был учитывать в своем самопозиционировании и формировании группы поддержки в центре российского идеологического спектра это смещение координат во все еще существующей в Москве борьбе политических идей. Революционная разновидность постсоветского империализма пользуется, как будет кратко проиллюстрировано ниже, фантастическими идеями, ярко выраженными утопиями, бредовыми историческими интерпретациями и экстравагантными обществоведческими концепциями. Тем не менее, то что это политическое течение за последние несколько лет укрепилось в официальном российском политическом дискурсе и частично даже проникло в такие академические дисциплины, как политология, история и международные отношения, представляет собой релевантную составляющую, если не важный фактор (хотя, конечно, и не единственную причину) стремительного ухудшения российско-западных отношений последних лет.

Базовая структура идеологических спектров в современной политике Запада и России

Линии политических конфликтов на Западе в послевоенный период хотя и проходят по-разному в разных странах, но, как правило, следуют единому делению идеологических спектров на две или три составные части (схема 1).

Схема 1: Упрощенное изображение идеологических спектров в политическом мейнстриме, на историческом материале: Сегодняшний Запад

«Левые»	«Центр»	«Правые»
Социалисты, социал-демократы, Зеленые, социал-либералы, лейбористы, демократы и др.	Центристские фракции «умеренных» партии	Правые фракции христианско-демократических партий, Консервативная партия Великобритании (тори), Республиканская партия США и др.

С левой стороны идеологического спектра – далее следует упрощенное изложение – находятся, как правило, идеи и доктрины, которые основываются на оптимистическом образе человека и направлены на внутривнутриполитические или между-

народные перемены, понимаемые как «демократизация»¹³. К этой части спектра относятся сегодня в Западном мире, в зависимости от страны, социалистические, социал-демократические, леволиберальные, зеленые и другие им подобные политические субъекты. В Германии, например, это будут СДПГ, Союз 90/Зеленые и Левые (которые вышли из тоталитарной СЕПГ ГДР)¹⁴.

Как это ни парадоксально, но сегодняшние США и ранняя постсоветская Россия (схема 2) были во многих отношениях похожи касательно этой части их партийного спектра. В обеих странах – в остальном принципиально отличающихся – слева от центра находились относительно аналогично ориентированные либеральные или леволиберальные демократы: в России – это, например, партия «Яблоко» и так называемый «Союз правых [!] сил», а в США – Демократическая партия или, по крайней мере, ее левые фракции. В 1990-е эти два государства воспроизводили тем самым до сих пор считающееся классическим разделение на левых и правых в том виде, в каком оно возникло во время Французской революции 1789 г.

С правой стороны политического спектра на современном Западе расположены, как правило, идейные конструкции, которые трактуют природу человека более или менее скептически и поэтому дистанцируются или критически настроены к радикальным процессам социальных и международных изменений. Сомнения в необходимости реформ или революций представители этого политического лагеря основывают на том, что волевые преобразования общественных отношений ставят под угрозу исторически сложившиеся официальные и неофициальные институциональные структуры, которые призваны ограничивать эффекты человеческих страстей (наивность, эгоизм, агрессивность и т.п.)¹⁵. Для обозначения подобного типа мышления часто используется термин «консерватизм»¹⁶.

Что касается внешнеполитического мышления, то по отношению к этой части спектра обычно употребляется спорный термин «реализм», под которым подразумевается не столько действительно «реалистический» способ рассмотрения международных конфликтов, сколько мышление исключительно в категориях большей или меньшей власти (международного влияния) государств, как и их

¹³ Bobbio N. Rechts und Links: Gründe und Bedeutungen einer politischen Unterscheidung. Berlin, 1994; Backes U., Jesse E. Die Rechts-Links-Unterscheidung: Betrachtungen zu ihrer Geschichte, Logik, Leistungsfähigkeit und Problematik // Idem. Vergleichende Extremismusforschung. Baden-Baden, 2005. P. 99–120.

¹⁴ Правда, пост- или нео-коммунистические партии бывшего советского блока представляют собой, как будет ниже коротко изложено в отношении КППФ, более сложный феномен. См., напр.: Olsen J. Germany's PDS: Between East and West // Central European Political Studies Review. 2002. №№ 1–2. <http://www.cepsr.com/clanek.php?ID=39>.

¹⁵ Eatwell R., O'Sullivan N. The Nature of the Right: American and European Politics and Political Thought Since 1789. London, 1989.

¹⁶ Huntington S.P. Conservatism as Ideology // American Political Science Review. 1957. № 2. P. 454–473; Konservativismus / Ed. H.-G. Schumann. Köln, 1974.

временных альянсов и игр с нулевой суммой¹⁷. Правое крыло современных христианско-демократических партий в Европе или республиканцы США, а также связанные с ними аналитические центры, могут быть отнесены к этой части идеологического спектра.

К находящемуся в середине идеологического спектра политическому центру в сегодняшнем Западе относятся те политические силы, которые позиционируют себя – по крайней мере, сами – сторонниками баланса реформаторских и консервативных устремлений, а также идеалистических и «реалистических» импульсов. Они выступают за постепенные и умеренные изменения, адаптированные к текущим вызовам.

Изложенная здесь упрощенная схема интерпретации современных идеологических конфликтов игнорирует многие частные явления, типологические нюансы и эмпирические детали. Несмотря на свою простоту, она, тем не менее, представляет собой своего рода аксиому современной политической мысли на Западе. С помощью вышеприведенной схемы можно дать некую элементарную структуру значительной части сегодняшних международных и внутренних конфликтов в Западном мире.

Также и в отношении внутри- и внешнеполитических программ общественных сил и элит Российской Федерации девяностых годов это деление политического спектра на две или три категории, как казалось, имело смысл (схема 2)¹⁸. Первый российский Президент Борис Ельцин попытался во время своего пребывания в должности уравновесить реформаторские импульсы прозападных либеральных демократов (имеется ввиду конечно *не* т.н. «ЛДПР»), с одной стороны, и реакционного сопротивления антизападно ориентированных старых элит, с другой.

Однако уже тогда наблюдался отход от типичной для сегодняшнего Запада типологии политических конфликтных линий. С одной стороны, обозначился парадокс, что с 1991 года «справа» от российского политического «центра» разместились политические силы, включая не в последнюю очередь «коммунистов», которые вышли из российского исторического левого движения. Более того, эти новые и своеобразные российские «правые» нацелены не на консервацию настоящего, а на возврат к прошлому¹⁹. Хотя сегодняшняя Коммунистическая партия считается в Российской Федерации «левой», а демократы – «правыми», тем не менее, уже под конец существования СССР стало ясно, что группировки, из ко-

¹⁷ Freyberg-Inan A. *What Moves Man: The Realist Theory of International Relations and Its Judgment of Human Nature*. Albany, 2004.

¹⁸ Simonsen S.G. *Nationalism and the Russian Political Spectrum: Locating and Evaluating the Extremes* // *Journal of Political Ideologies*. 2001. № 3. P. 263–288.

¹⁹ Urban J.B., Solovei V. *Russia's Communists at the Crossroads*. Boulder, 1997; Sakwa R. *Left or Right? The CPRF and the Problem of Democratic Consolidation in Russia* // *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 1998. №№ 1–2. P. 128–158; Vujačić V. *Serving Mother Russia: The Communist Left and Nationalist Right in the Struggle for Power, 1991-1998* // *Russia in the New Century: Stability and Disorder?* / Ed. V.E. Bonnell, G.W. Breslauer. Boulder, 2001. P. 290–325.

торых позже вышла КПРФ и другие «коммунистические» партии, не являются реформистско-эмансипаторскими, а, наоборот, представляют собой своеобразные реакционно-традиционалистские политические силы²⁰.

Существующее отклонение России от политического спектра современных западных государств, заключающееся в том, что постсоветские российские «правые» не стремились сохранить статус-кво, при Ельцине имело далеко идущие политические последствия. Правые, например, выступали за по крайней мере частичное восстановление положения дел времен «холодной войны». Не в последнюю очередь это касалось возвращения некоторых утраченных территорий бывшего СССР под прямой контроль Москвы и как можно большее, по крайней мере, неофициальное возрождение царско-советской империи. Поэтому кажется оправданным классифицировать подобные устремления не как «консервативные», а как «реставрационные»²¹.

Находящиеся «справа» от политического центра силы постсоветской России еще в конце Перестройки при Горбачеве в 1990-1991-х гг. и при Ельцине с конца 1991 г. – в отличие от умеренно правых политических партии на Западе сегодня – хотели осуществить резкий поворот назад. Российские реставрационные правые стремятся не к сохранению недавно созданных и жестко критикуемых новообразованных структур, а к их частичному или полному уничтожению²². Их целью было и остается по сей день как можно большее восстановление российской империи и возобновление конфронтации между Востоком и Западом, то есть возврат к тому состоянию, которое «органически» – по крайней мере, с точки зрения «советских реакционеров» – выработалось за 70 лет до распада СССР и, таким образом, стало составной частью «русской традиции»²³.

Схема 2: Упрощенное изображение идеологических спектров в политическом мейнстриме избранных исторических ситуаций: Ельцинская Россия 1991-1999

«Левые»	«Центр»	«Правые»
Демократическая Россия, «Яблоко», Демократический выбор России и др.	Умеренные реформаторы, «болото»	«Коммунисты», национал-большевики, монархисты и др. «хранители империи»

²⁰ Glybowski J., Winkel J. Rückwärts marsch! Zum Konservatismusphänomen in der UdSSR // Osteuropa. 1991. № 8. P. 791–801; Moses J.C. The Challenge to Soviet Democracy from the Political Right // Perestroika-Era Politics: The New Soviet Legislature and Gorbachev's Political Reforms / Ed. R.T. Hubert, D.R. Kelley. Armonk, 1991. P. 105–128.

²¹ Umland A. Die Sprachrohre des russischen Revanchismus // Die Neue Gesellschaft: Frankfurter Hefte. 1995. № 10. P. 916–921.

²² Hughes M. The Never-Ending Story: Russian Nationalism, National Communism and Opposition to Reform in the USSR and Russia // The Journal of Communist Studies. 1993. № 9. P. 41–61; O'Connor K. Intellectuals and Apparatchiks: Russian Nationalism and the Gorbachev Revolution. Lanham, 2006.

²³ Tolz V. The Radical Right in Post-Communist Russian Politics // The Revival of Right-Wing Extremism in the Nineties / Ed. P.H. Merkl, L. Weinberg. London, 1997. P. 177–202; Devlin J. Slavophiles and Commissars: Enemies of Democracy in Modern Russia. Basingstoke, 1999.

Кроме того, как при Ельцине, так и сегодня был и есть ряд антисоветски настроенных националистов. Самым известным среди них был Нобелевский лауреат Александр Солженицын (1918-2008). Эти националисты хотя и не разделяют с коммунистами и представителями старых элит ностальгию по Советскому Союзу, но также выступают за как минимум частичное восстановление российской империи. Их усилия направлены прежде всего на воссоединение России с другими восточными славянами, то есть с Украиной и Беларусью, а также и с некоторыми нероссийскими регионами, населенными русскими или русскоговорящими меньшинствами, как, например, Северный Казахстан.

Биографии антикоммунистических представителей реставрационного имперского мышления принципиально отличаются от прошлого «советских реакционеров». Тем не менее, в процессе формирования постсоветского общественного дискурса образовался де-факто политический альянс частей этих двух в остальном критически настроенных по отношению друг к другу направлений российского империализма. Яркой иллюстрацией неформального союза националистически настроенных диссидентов со старыми элитами Советского Союза стали тщательно документированные российским государственным телевидением встречи Владимира Путина с ныне покойным Александром Солженицыным.

Таким образом, уже при Ельцине реставрационный империализм образовал весомую часть политически значимого российского идеологического спектра. Призыв к пересмотру границ России, а также к по меньшей мере частичному восстановлению империи уже в первом десятилетии существования молодой российской демократии звучал часто – например, из уст Юрия Лужкова. Он ослаблял устойчивость демократии и препятствовал появлению аутентичного постсоветского, пост-имперского и территориально удовлетворенного консерватизма²⁴.

Такое отличие в правой части политического спектра между Россией непосредственно после распада СССР и современным Западом было распознано политическими наблюдателями как в России, так и за ее пределами. Западная проницательность в этом вопросе не удивляет и потому, что и в пост-имперских идеологических спектрах западных колониальных держав после распада соответствующих мировых империй (например, в Германии, Великобритании, Франции и др.) наблюдались аналогичные, идеологически скорее реставрационно, нежели консервативно ориентированные группы, которые затем постепенно вытеснялись из политического мейнстрима этих стран²⁵.

Но идеологический спектр постельцинской России отличается от спектров многих пост-имперских послевоенных западных государств не только тем, что

²⁴ Большую часть научной литературы касательно этих развитий я перечислил в этих рецензионных статьях: Umland A. The Post-Soviet Russian Extreme Right // Problems of Post-Communism. 1997. № 4. P. 53–61; idem. Post-Soviet Neo-Eurasianism, the Putin System, and the Contemporary European Extreme Right // Perspectives on Politics. 2017. № 2. P. 465–476.

²⁵ Greiffenhagen M. Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland. Frankfurt/M., 1986.

ирредентистские рассуждения о территории бывшей царско-советской империи стали полноправной частью российского политического мейнстримного дискурса. Есть еще более разительное отличие между современными западным и российским политическими дискурсами. Оно состоит в том, что в российском истеблишменте за последние 15 лет все бóльшим влиянием пользуются политики и интеллектуалы, неоимперские идеи которых хотя тоже имеют реваншистское происхождение, но чьи устремления должны быть классифицированы не как реставрационные, а как революционные²⁶.

Схема 3: Упрощенное изображение идеологических спектров в политическом мейнстриме избранных исторических ситуаций: Путинская Россия с 2000 г.

Маргинализованные «левые»	Бывший «Центр»	«Правые» (реставраторы)	«Крайне правые» (революционеры)
Яблоко, «Союз правых сил», социал-демократы, ПАРНАС	Умеренные фракции в правительстве и «Единой России»	«Коммунисты», империалисты в государственном аппарате и «Единой России»	ЛДПР, Международное евразийское движение и др.

Сегодняшний центр российского политического спектра

Политическая карьера и экспансионистские планы Владимира Жириновского

Вероятно, самым известным представителем революционной разновидности постсоветского неоимпериализма является Владимир Жириновский – лидер так называемой Либерально-демократической партии²⁷. Партия Жириновского была основана в 1990 г. изначально как ЛДП Советского Союза и «полит-технологический» проект старого режима²⁸. Задачей тогдашней ЛДПСС, как и ряда других псевдо-партий с такими же сбивающими с толку названиями, появившихся в начале 1990-х, очевидно было содействие внутренней дезорганизации, политическим разногласиям и публичной диффамации подлинного либерально-демократического движения. Более широкой целью был подрыв форми-

²⁶ Tsygankov A.P. From Internationalism to Revolutionary Expansionism: The Foreign Policy Discourse of Contemporary Russia // *Mershon International Studies Review*. 1997. № 2. P. 247–268.

²⁷ Der Schirinowski-Effekt: Wohin treibt Rußland? / Ed. W. Eichwede. Reinbek, 1994; Conradi P. Schirinowski und der neue russische Nationalismus. Düsseldorf, 1995; Oschlies W. Wladimir Schirinowski: Der häßliche Russe und das postkommunistische Osteuropa. Köln, 1995.

²⁸ Wilson A. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven, 2007.

рующегося плюралистического дискурса в распавшемся Советском Союзе. Хотя «проект Жириновский» в свое время не добился поставленной цели, молодой политик продемонстрировал в 1990-1991-х гг. бóльший политический талант и организаторские способности, чем его различные, по-видимому, также получавшие поддержку от КГБ конкуренты в псевдо-демократическом минипартийном ландшафте, созданном старым режимом, такие как Валерий Скурлатов из т.н. Российского народного фронта или Владимир Воронин из т.н. Союза демократических сил им. Сахарова²⁹.

В последующем произошла своеобразная метаморфоза политического профиля ЛДПР и ее перевоплощение в клуб ностальгирующих по российской империи антикоммунистов. Жириновский перерос замысел своих крестных отцов еще и в том отношении, что он не только постепенно преобразовал поначалу якобы либеральную политическую программу своей партии в выражено неоимперскую. Он также сумел адаптировать становящуюся все более ультранационалистической доктрину ЛДП к области своих собственных профессиональных знаний и политических убеждений. В 1992-1995-х гг. Жириновский разработал в официальных органах ЛДП, а также в своих книжных и газетных публикациях собственное специфическое видение мировой политики, суть которого напрямую была связана с его личной биографией и профессиональной квалификацией³⁰.

Жириновский вырос в Казахстане, закончил школу, находившуюся под патронатом КГБ, в Алма-Ате (Алматы) и затем изучал в Институте восточных языков при МГУ тюркологию. В качестве студента он даже прошел практику в Турции. Тот факт, что Жириновский проходил студенческую стажировку в стране-члене НАТО, уже тогда намекал на его возможное сотрудничество с КГБ. Во время своей последующей военной службы в Грузии он был назначен в отдел, который занимался политическим анализом радиопередач из Турции.

Под конец Второй российской республики³¹, т.е. политического режима, существовавшего в 1991-1993-х гг., дипломированный тюрколог и уже ставший известным политик разработал свое уникальное видение глобальной политики. Жириновский впервые официально представил свою революционную программу российских внешних отношений в последних номерах первого печатного органа ЛДП – нерегулярно выходящей газеты *Либерал*, а также в беседе со мной в августе 1993 г. в своей бывшей московской партийной штаб-квартире в Рыбниковом переулке³². Наконец, он в своем основополагающем автобиографическом опусе

²⁹ Umland A. Vladimir Zhirinovskii in Russian Politics: Three Approaches to the Emergence of the Liberal-Democratic Party of Russia, 1990-1993. Dr. phil. diss. Berlin, 1997.

³⁰ Umland A. Ein Gespräch mit Wladimir Schirinowski // Die Neue Gesellschaft: Frankfurter Hefte. 1994. № 2. P. 114–117.

³¹ Под «Первой российской республикой» же подразумевается относительно плюралистский период временного правительства и двоевластия с марта по октябрь 1917-го года.

³² Umland A. The Zhirinovsky Interview // The Woodstock Road Editorial: An Oxford Magazine of International Affairs. 1994. № 16. P. 3–5.

Последний бросок на Юг, опубликованном в сентябре 1993 г.³³, подробно изложил весь свой безумный план³⁴.

Основной установкой новой имперской доктрины Жириновского стала идея-фикс о том, что т.н. «южане» якобы виновны в большинстве исторических неудач и актуальных нужд России и представляют будущую угрозу для русских. Под «южанами» Жириновский подразумевает проживающих к югу от России – по его словам – «варваров» и представителей «захватнических» народностей Передней и Центральной Азии, в том числе Кавказа³⁵. Лидер ЛДП обрисовал в своих ранних политических текстах сценарий будущего уничтожения России в результате подрывной деятельности «южан». Чтобы предотвратить опасность, которую представляют «южане» для стабильности России, русские не должны уходить в изоляцию, а, наоборот, расширять границы своего государства на юг.

В речах и публикациях того времени Жириновский неоднократно и прямо заявлял, что не только бывшие советские республики Центральной Азии и Южного Кавказа, но и Афганистан, Иран и Турция должны стать частью российского государства. В одном месте он написал, например, что в этих странах должны быть введены «русская армия» и «русский рубль»³⁶. То, что это несомненно повлечет за собой человеческие жертвы, Жириновский признавал открыто и с одобрением. По его мнению, с «миром ничего не случится, если даже вся турецкая нация погибнет»³⁷. Военные действия по осуществлению российского «последнего броска на юг», в свою очередь, приведут к «возрождению» российской армии, «очищению» всего русского народа, а также к созданию «новой», «счастливой» России.

Кроме того, весь мир извлечет пользу от «успокоения» «южан» Россией; слова «успокоить» или «успокоение» встречаются не менее 19 раз в его книге. Посредством реализации российского «последнего броска на юг» будет инициирована реорганизация международной системы в целом. Обозначенная Жириновским как «юг» часть Азии попадет, таким образом, в сферу влияния России, в то время как сферой влияния Европы станет Африка; Соединенным Штатам достанется Южная Америка, а Японии – Восточная Азия. Наряду с этим лидер ЛДП видит в перспективе «общеевропейское государство», «в котором будут существовать сильные государства: Россия, Германия, Франция [и] Италия. Они легли бы в основу этого [общеевропейского] государства»³⁸. Это стало бы последним переделом мира. Только тогда, когда русский солдат «будет мыть сапоги в Индийском

³³ Жириновский В. *Последний бросок на Юг*. М., 1993.

³⁴ Umland A. Zhirinovsky's «Last Thrust to the South» and the Definition of Fascism // *Russian Politics and Law*. 2008. № 4. P. 31–46.

³⁵ Жириновский В. О политике внутренней и внешней // *Либерал*. 1993. № 2(12). С. 3-4.

³⁶ Там же.

³⁷ Он же. *Последний бросок на Юг*. С. 130.

³⁸ Он же. О политике внутренней и внешней. С. 5.

океане», Россия, по словам Жириновского, выполнит свою историческую миссию и спасет себя и весь мир от «войн, которые всегда исходили с Юга»³⁹.

Интересна в «феномене Жириновского» не его экстравагантная программа как таковая. Примечательно, скорее, что в декабре 1993 года, т.е. всего через три месяца после публичной презентации его плана «последнего броска на юг» в одноименной автобиографической и программной книге в сентябре 1993, партия Жириновского показала оглушительный успех пропорциональной части первых российских постсоветских парламентских выборах на многопартийной основе, выиграв с результатом в 22,92% голосов с большим отрывом от других партий⁴⁰. В последующие два года ЛДПР имела одну из сильнейших фракций в пятом созыве Государственной Думы.

В этой связи как среди некоторых политических наблюдателей⁴¹, так и политических конкурентов ЛДПР появилась мысль о том, что впечатляющий успех партии на выборах в 1993 г., а также открытая пропаганда Жириновским военных операций на «юге» стали неким фактором или даже необходимой предпосылкой (хотя, конечно, и не достаточным условием) для развязывания Первой чеченской войны в декабре 1994 г.⁴² Самым важным последствием для развития его партии оказалось то, что, хотя триумф на выборах декабря 1993 г. и был самым крупным успехом в ее истории, ЛДПР и на последующих выборах в Государственную Думу регулярно преодолевала пяти- или семипроцентный барьер для вхождения в нижнюю палату Федерального Собрания. Партия Жириновского, таким образом, является на данный момент самой старой постсоветской политически значимой силой (поскольку основанную только в 1993 г. КПРФ нельзя классифицировать как однозначно «постсоветскую» партию)⁴³.

С точки зрения новейшей истории наиболее интересным аспектом «феномена Жириновского» представляется не столько очевидная абсурдность его политической программы, сколько тот факт, что он и после ее опубликования сумел подняться со своей партией на российский политический Олимп и остаться там по сей день. В постсоветской России был и есть целый ряд более или менее незаурядных политических деятелей и публицистов с аналогично параноическим

³⁹ Он же. Последний бросок на Юг. С. 76.

⁴⁰ Morrison J.W. Vladimir Zhirinovsky: An Assessment of a Russian Ultra-Nationalist. Washington, 1994.

⁴¹ Klepikova E., Solovyov V. Zhirinovsky: The Paradoxes of Russian Fascism. Harmondsworth, 1995. P. VII.

⁴² Григорий Явлинский в телепередаче «Итоги» на канале *HTB* 18 декабря 1995 г.

⁴³ Ishiyama J.T. Red Phoenix? The Communist Party of Post-Soviet Russian Politics // Party Politics. 1996. № 2. P. 147–175; Timmermann H. Rußlands KP: Zwischen angepaßtem Leninismus und Volkspatriotismus // Osteuropa. 1997. № 47. P. 749–761; Davidheiser E. The CPRF: Towards Social Democracy or National Socialism? // Elections and Voters in Post-Communist Russia / Ed. M. Wyman, St. White, S. Oates. Cheltenham, 1998. P. 240–271; Flikke G. Patriotic Left-Centrism: The Zigzags of the Communist Party of the Russian Federation // Europe-Asia Studies. 1999. № 2. P. 275–298; March L. For Victory? The Crisis and Dilemmas of the Communist Party of the Russian Federation // Europe-Asia Studies. 2001. № 2. P. 263–290.

видением российского прошлого и будущего. Тем не менее, лишь немногим конкурентам Жириновского на правом фланге, среди которых, например, ультранационалистический юрист и многолетний член парламента Сергей Бабурин, удалось так же высоко и надолго взлететь на политическом небосклоне, как лидеру ЛДПР. Никакой другой парламентарий России аналогичной идеологической направленности не занимал важные парламентские посты столь же длительный период, как Жириновский. Глава ЛДПР первоначально в течение некоторого времени был лидером фракции своей партии в Государственной Думе, а потом несколько лет выполнял функцию заместителя Председателя Государственной Думы, т.е. находился на одной из наиболее высоких политических должностей Российской Федерации. Сегодня этот пост занимает сын Жириновского Игорь Лебедев.

Внешнеполитические идеи Жириновского, по крайней мере те, которые были изложены в первом издании его *Последнего броска на Юг*, находятся далеко за пределами идеологического центра российской политики. Тем не менее, он и члены его фракции в Госдуме стали неотъемлемой частью политического истеблишмента путинской России. Солидный – в российском постсоветском контексте – возраст ЛДПР и постоянное освещение ее деятельности в СМИ привели к тому, что партия стала неожиданно стабильным политическим явлением постсоветского политического ландшафта. Парламентарии ЛДПР делали политические карьеры как при Ельцине, так и при Путине. Так, например, в 2007 г. на депутата от ЛДПР, давнего поверенного Путина и бывшего местного политика Санкт-Петербурга Владимира Чурова была возложена значительная для неоавторитарного режима России государственная должность: Чуров был назначен председателем Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Особо стоит выделить, что лидеру ЛДПР удалось остаться на поверхности российской федеральной политики при переходе власти от ельцинского к путинскому клану и в условиях возникновения новой «ведомой» (подконтрольной) партийной системы при Путине в 1999-2003 гг. Электоральное соревнование при Ельцине еще имело признаки справедливости, свободы и плюрализма, а режим был гибридным или полу-/протодемократическим. При Путине же российский политический режим постоянно становился криптоавторитарным или псевдodemократическим. Несмотря на эту глубокую трансформацию российской партийной и электоральной системы, Жириновский успешно адаптировал свою партию к новым политическим реалиям при втором и третьем президентах РФ.

Возможно благодаря своему прошлому в КГБ, ультранационалист смог найти компромисс с «политтехнологами» Кремля, утвердить себя в качестве правого крыла неформальной коалиции пропутинских фракций в Государственной Думе и закрепить свои позиции в политическом истеблишменте России. В 2006 г. Жириновский был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени – официальное признание, которое было бы немыслимо при Президенте

Ельцине. По-видимому, политтехнологи Кремля намеренно оставили ЛДПР в «рабочем состоянии» в составе Госдумы и в качестве важной составляющей партийно-идеологического спектра и общего публичного дискурса РФ. Учитывая эти и другие факторы, партию Жириновского можно отнести к крайне правому крылу контролируемого и манипулируемого Кремлем псевдо-конкурентного политического квази-соревнования.

Александр Дугин и «неоевразийское» движение

Аналогичные аргументы можно привести и относительно другого, лишь недавно ставшего знаменитым политического деятеля России – Александра Дугина, основателя и председателя т.н. Международного «Евразийского движения» (МЕД)⁴⁴. Дугинский неоимпериализм, правда, во многом отличается от видения мировой политики Жириновским. Тем не менее, экспансионистскую программу лидера МЕД также можно охарактеризовать как однозначно «революционную». И это несмотря на то, что феномены Дугина и Жириновского в других отношениях принципиально отличаются.

Во-первых, Дугин, в отличие от Жириновского не является партийным политиком, а действует на мета-политическом уровне⁴⁵. Он пытается оказать влияние на элиты России с помощью различных публикаций, активного присутствия в соцсетях, частых выступлений в СМИ и на разных конференциях⁴⁶. Во-вторых, Дугин отличается от Жириновского и тем, что он заиклен не на «юге», а на «Западе». Дугин считает США в значительно большей степени, чем Жириновский, историческим, а также настоящим и будущим главным врагом России и основывает эту точку зрения на подробной теории заговора, с помощью которой он переосмысляет всю историю человечества.

⁴⁴ Luks L. Der «Dritte Weg» der «neo-eurasischen» Zeitschrift *Élementy* – zurück ins Dritte Reich? // *Studies in East European Thought*. 2000. №№ 1-2. P. 49–71; Luks L. Zum «geopolitischen» Programm Aleksandr Dugins und der Zeitschrift *Élementy* – eine manichäische Versuchung? // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 2002. № 1. P. 43–58; Luks L. Eurasien aus neototalitärer Sicht: Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Rußland // *Totalitarismus und Demokratie*. 2004. № 1. P. 63–76; Laruelle M. Aleksandr Dugin: A Russian Version of the European Radical Right? // *Kennan Institute Occasional Papers*. 2006. № 294. <http://www.wilsoncenter.org/news/docs/OP294.pdf>; Laruelle M. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Baltimore, 2012; Höllwerth A. *Das sakrale eurasische Imperium des Aleksandr Dugin: Eine Diskursanalyse zum postsowjetischen russischen Rechtsextremismus*. Stuttgart, 2007.

⁴⁵ Umland A. *Neue ideologische Fusionen im russischen Antidemokratismus: Westliche Konzepte, antiwestliche Doktrinen und das postsowjetische politische Spektrum // Gefährdungen der Freiheit: Extremistische Ideologien im Vergleich / Ed. U. Backes, E. Jesse. Göttingen, 2006. P. 371–406.*

⁴⁶ Ivanov V. *Alexander Dugin und die rechtsextremen Netzwerke: Fakten und Hypothesen zu den internationalen Verflechtungen der russischen Neuen Rechten*. Stuttgart, 2007.

Предводитель российских так называемых «неоевразийцев» в сотнях электронных и печатных изданий живописует картину берущего свои истоки в стародавние времена конфликта между атлантическими морскими державами, т.н. «талассократиями», которыми в данный момент руководят США, и евразийскими традиционалистскими континентальными силами, т.н. «теллурократиями», во главе которых сейчас стоит Россия. Цивилизационный, политический и военный конфликт «евразийцев» с морскими державами в настоящий момент близится к «Endkampf» – «последнему бою». (Дугин иногда использует этот имеющий печально известную историю немецкий термин без перевода на русский язык.) Россия, по словам Дугина, должна провести для своего возрождения антилиберальную «консервативную революцию»⁴⁷, искоренить западное влияние в своей общественной жизни, а в своих международных отношениях настоять на создании мощной евразийской сверхимперии, состоящей из нескольких подимперий под руководством России.

Конкретные имперские планы Дугина иногда значительно отличаются в зависимости от переиздания его книг, момента его выступления или направления и аудиторий его статей. Ясно только то, что Россия сможет существовать долгосрочно только как империя или сверхимперия и погибнет, если останется обычным национальным государством в его границах 1991 г. и с его нынешней сферой влияния. В идеале должна возникнуть некая великая империя от Дублина до Владивостока со столицей в Москве или, по крайней мере, образоваться ось Париж-Берлин-Москва-Тегеран, стран, которые совместно будут противостоять экспансии англо-американской морской цивилизации. Этим своим политическим видением Дугин еще больше чем Жириновский выходит за рамки реставрационного экспансионизма «советских реакционеров». Он тем самым в еще большей мере может быть классифицирован как революционной империалист⁴⁸.

Сам себя Дугин называет «неоевразийцем» и претендует на то, что он продолжает традиции классических евразийцев русской эмиграции в Европе межвоенного периода⁴⁹. Однако его интеллектуальная биография отмечена решающим изначальным влиянием ряда нерусских, в основном западных авторов. Это в первую очередь касается евро-американского интегрального традиционализма XX века⁵⁰, немецкого национал-большевизма, младо-консерватизма и левого нацизма двадцатых годов. Чуть позднее на Дугина начали оказывать влияние се-

⁴⁷ Shekhovtsov A. The Palingenetic Thrust of Russian Neo-Eurasianism: Ideas of Rebirth in Aleksandr Dugin's Worldview // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2008. № 4. P. 491–506.

⁴⁸ Shekhovtsov A. Aleksandr Dugin's Neo-Eurasianism: The New Right à la Russe // *Religion Compass*. 2009. № 4. P. 697–716.

⁴⁹ Wiederkehr St. «Kontinent Evrazija» – Klassischer Eurasismus und Geopolitik in der Lesart Alexander Dugins // *Auf der Suche nach Eurasien: Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa* / Ed. M. Kaiser. Bielefeld, 2004. P. 25–138.

⁵⁰ Sedgwick M. *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. New York, 2004; Shekhovtsov A., Umland A. Is Dugin a Traditionalist? «Neo-Eurasianism» and Perennial Philosophy // *The Russian Review*. 2009. № 4. P. 662–67.

годняшние, в основном франкоязычные «новые правые», сформировавшиеся в виде консолидированного интеллектуального движения в конце 1960-х, как реакция на студенческую революцию 1968-го г. и на основе прежде всего идей немецкой «консервативной революции» межвоенного периода⁵¹.

В 1990-е годы, когда он был еще относительно маргинальной фигурой в политической жизни Москвы⁵², Дугин зашел так далеко, что открыто рассматривал свою идеологию в традициях международного фашизма, восхвалял некоторые аспекты нацизма и представлял Третий Рейх как одну из наиболее важных манифестаций предпочитаемого им тогда «третьего пути»⁵³. В одной из своих ранних работ он назвал изначально главного организатора Холокоста обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха «убежденным евразийцем». Под псевдонимом «Александр Штернберг» Дугин опубликовал в 1994 году стихотворение, в котором он воспекает воскресение рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера⁵⁴. В другой своей интернет-публикации Дугин приветствовал подъем «фашистского фашизма» в России⁵⁵.

Несмотря на эти и другие нарушения политической корректности России, в конце 1990-х Дугин начал свой – как выяснилось впоследствии – устойчивый взлет в политическом истеблишменте Москвы⁵⁶. В 1998 г. он стал советником тогдашнего председателя Госдумы и депутата от КПРФ Геннадия Селезнева. Позже Дугин сумел привлечь ряд других видных политических и общественных деятелей на временной или постоянной основе в свое основанное в 2001 г. Евразийское движение и, видимо, убедить их в евразийской истинности своих экстравагантных идейных конструкций. Временными членами т.н. Высшего совета его движения были, например, бывший министр культуры РФ Александр Соколов и заместитель председателя Совета Федерации РФ Александр Торшин.

⁵¹ Griffin R. *Between Metapolitics and Apoliteia: The Nouvelle Droite's Strategy for Conserving the Fascist Vision in the «Interregnum»* // *Modern and Contemporary France*. 2000. № 1. P. 35–53; Griffin R. *Plus ça change! The Fascist Pedigree of the Nouvelle Droite* // *The Development of the Radical Right in France, 1890-1995* / Ed. E. Arnold. L., 2000. P. 217–252. Spektorowski A. *The New Right: Ethno-regionalism, Ethno-pluralism and the Emergence of a Neo-fascist «Third Way»* // *Journal of Political Ideologies*. 2003. № 1. P. 111–30; Bar-On T. *Where Have All the Fascists Gone?* Aldershot, 2007.

⁵² Mathyl M. «Die offenkundige Nisse und der rassenmäßige Feind»: Die National-Bolschewistische Partei als Beispiel der Radikalisierung des russischen Nationalismus // *Halbjahresschrift für südosteuropäische Geschichte, Literatur und Politik*. 1997. № 2. P. 7–15; 1998. № 1. P. 23–36.

⁵³ Umland A. *Faschismus à la Dugin* // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 2007. № 12. P. 1432–1435.

⁵⁴ Штернберг А. Нежданный никем Аватара: Барбело-Гнозис (сборник стихов). М., 1994. <http://www.arctogaia.com/public/stih1.htm>. Стихотворение было позднее еще раз опубликовано на дугинском веб-сайте Arcto.ru.

⁵⁵ Dugin A. *Fascism – Borderless and Red* // *Fascism Past and Present, West and East: An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right* / Ed. R. Griffin, W. Loh, A. Umland. Stuttgart, 2006. P. 505–510.

⁵⁶ Mathyl M. *Der «unaufhaltsame Aufstieg» des Aleksandr Dugin: Neo-Nationalbolschewismus und Neue Rechte in Russland* // *Osteuropa*. 2002. № 7. P. 885–900.

Дугин также завязал тесные знакомства в медийном ландшафте и в Президентской администрации, например, с популярным телекомментатором и предположительно «любимым журналистом Путина» Михаилом Леонтьевым, с близким Путину высоким правительственным чиновником и бывшим офицером КГБ Виктором Черкесовым⁵⁷.

Особенно тесной кажется связь Дугина с бывшим начальником идеологического управления исполнительного комитета (политического департамента) путинской партии «Единая Россия», а позднее заместителем заведующего одного из отделов администрации Президента России Иваном Демидовым⁵⁸. Лишь за несколько месяцев до занятия офиса главного идеолога «партии власти» Демидов в онлайн-интервью от 2007 г. для дугинского сайта Evrazia.org назвал себя – со ссылкой на идеологию Дугина – «убежденным евразийцем». По иронии, Демидов тем самым употребил ту же формулировку, которую Дугин, как упоминалось выше, использовал за 15 лет до этого в отношении заместителя рейхсфюрера СС Гейдриха⁵⁹.

С момента своего вхождения в политический истеблишмент Москвы с конца девяностых годов Дугин, правда, избегает однозначных профашистских высказываний, подобных упомянутому выше. Сегодня он позиционирует себя парадоксальным образом даже как «антифашист» и не чурается клеймить своих политических оппонентов как «фашистов» или «нацистов». Однако еще в 2006 г. Дугин в одном своем, хотя и казуистически сформулированном, но однозначном заявлении признался в своей близости к раннему немецкому фашизму. Он открыто заявил, что является приверженцем идей немецких братьев Штрассеров, причем в этом интервью Дугин представил Штрассеров как противников Адольфа Гитлера. Однако Дугин «забыл» упомянуть, что Отто и Грегор Штрассеры в свое время сами были ведущими нацистами и в конце двадцатых сыграли важную роль в превращении НСДАП в партию масс. Позднее Братья Штрассеры стали действительно оппонентами Гитлера – однако, в рамках нацистского движения⁶⁰.

Таким образом, Дугин и после своего вхождения в политический истеблишмент России открыто подтвердил свою близость к немецкому фашизму межвоенного периода. Также, он нигде не отрицал и не отзывал свои явно профашистские заявления времен девяностых, когда он еще был маргинальным и более свободным в своих выражениях автором. Тем не менее, он стал и остается уважаемым политическим комментатором контролируемых Кремлем СМИ.

⁵⁷ Лимонов Э. Как надо понимать // Лимонка. 2006. № 306. http://limonka.nbp-info.ru/306_article_1159259357.html.

⁵⁸ Umland A. Moscow's New Chief Ideologist – Ivan Demidov // OpEdNews. 26 August 2008. http://www.opednews.com/articles/genera_andreas__080423_moscow_s_new_chief_i.htm.

⁵⁹ Umland A. Fascist Tendencies in Russia's Political Establishment: The Rise of the International Eurasian Movement // Russian Analytical Digest. 2009. № 60. P. 13–17.

⁶⁰ Umland A. Pathological Tendencies in Russian «Neo-Eurasianism»: The Significance of the Rise of Aleksandr Dugin for the Interpretation of Public Life in Contemporary Russia // Russian Politics and Law. 2009. № 1. P. 76–89.

Например, он выступал в качестве «эксперта» на веб-сайте Kreml.org, а летом 2008 г. был назначен одним из самых престижных ВУЗов России – МГУ – на должность профессора и руководителя т.н. Центра консервативных исследований факультета социологии университета имени М.В. Ломоносова⁶¹.

Правда, рассматривать Дугина как главного идеолога Путина или полноценного репрезентанта современной внешнеполитической доктрины России, как это иногда делается в западной прессе, было бы неоправданно. Тем не менее, крайний антиамериканизм и революционный неоимпериализм Дугина сегодня представляют собой – как и феномен Жириновского – неотъемлемую часть общего национального публичного дискурса постсоветских элит. Доктрины Дугина, Жириновского и похожих публицистов находятся хотя и на краю идеологического спектра, но все еще в рамках основных течений российской политики⁶².

Было бы, как упомянуто, преувеличением утверждать о прямом влиянии Жириновского или Дугина на сегодняшнюю внешнюю политику России, как это сделал в отношении «неоевразийцев» российский корреспондент *Financial Times* Чарльз Кловер уже в 1999 г.⁶³ С другой стороны, нельзя отрицать, что оба этих политика-идеолога, как и ряд других, не менее радикальных политических деятелей и теоретиков при Путине, совместно принимают участие в формировании общего российского идейного спектра и внешнеполитического мышления в большей степени, чем до начала правления Путина⁶⁴. Хотя в девяностые годы Жириновский, Дугин и Ко тоже присутствовали в СМИ и политическом дискурсе, они тогда еще были политически изолированы и стигматизированы. При Путине же они стали частыми, равноправными и иногда даже уважаемыми участниками злободневных политических дискуссий на центральных телеканалах страны, а также более или менее высокочтимыми участниками политических дебатов на конференциях и семинарах, как и авторами статей для периодических изданий федерального, а отчасти и международного значения⁶⁵.

⁶¹ Umland A. The Unpopular Prospect of World War III: The 20th Century Is Not Over Yet // History News Network. 16 January 2009. <http://hnn.us/roundup/entries/60004.html>.

⁶² Umland A. Postsowjetische Gegeneliten und ihr wachsender Einfluss auf Jugendkultur und Intellektuellendiskurs in Rußland: Der Fall Aleksandr Dugin 1991-2004 // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2006. № 1. P. 115–147.

⁶³ Clover Ch. Dreams of the Eurasian Heartland: The Re-emergence of Geopolitics // Foreign Affairs. 1999. № 2. P. 9–13.

⁶⁴ Shenfield S.D. Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. Armonk, 2001.

⁶⁵ См., напр., статью Дугина в журнале *Россия в глобальной политике*: Dugin A. Kondopoga: A Warning Bell // Russia in Global Affairs. 2006. № 4. <http://eng.globalaffairs.ru/engsmi/1061.html>. В состав объявленной тогда на веб-сайте редакционной коллегии этого журнала входили, наряду с именитыми россиянами, также известные представители западной общественности, как, например, Мартти Ахтисаари, Грэхэм Эллисон, Гельмут Коль, Карл Бильдт, Карл Кайзер или Хорст Тельчик. См.: <http://eng.globalaffairs.ru/about/#board>.

Заключения и выводы

Российский реставрационно-ирредентистский неоимпериализм, который в девяностые годы еще находился на крайне правой обочине идеологического спектра, сейчас является составной частью внешнеполитического мейнстрима России. Соответствующий сдвиг всей российской политики «вправо» и последующая радикализация российского политического центра вызваны не в последнюю очередь тем, что «справа» от сегодняшнего ирредентистско-реставрационного течения в российском идеологическом спектре этаблировалась другая реваншистская идейная школа.

Второй имперско-ультранационалистический лагерь отличается от первого своей явной революционностью. Он, конечно, уже существовал в 1990-х, но тогда еще был маргинальным и стигматизированным. Революционный империализм стал политически и публицистически значимым только после прихода Владимира Путина к власти и сегодня представлен такими политическими фигурами, как Жириновский и Дугин. Революционные империалисты в условиях политической системы 1990-х были уже заметными игроками, но тогда еще представляли собой скорее изгоев российской элиты и скандалистов публичного дискурса. В новом же веке они стали интегрированными игроками в «системе Путина», респектабельным лагерем партийного спектра, стабильной частью идейного ландшафта России и регулярными участниками теледебатов на российских государственных и полугосударственных каналах⁶⁶.

Эта новая разновидность политически значимого российского правого радикализма стремится не к восстановлению царской и/или советской империи и не к простому возобновлению «холодной войны» с Западом. Вместо этого, революционные империалисты вроде Жириновского и Дугина мечтают о совершенно новом российском государстве в новых границах и о полном переделе мирового порядка. Де-факто они являются проповедниками Третьей мировой войны России с «югом» (Жириновский) или Западом (Дугин). Хотя в политике МИДа России еще не обнаружены открыто революционно-империалистические элементы, весь российский политический дискурс, в том числе и внутриправительственный, находится – относительно определения целей и методов внешней политики России – сегодня под опосредованным влиянием сверхрадикальных политических прокламаций Жириновского, Дугина и подобных им идеологов⁶⁷.

Это изменение является одной из причин растущей агрессивности высказываний не только Путина, но и таких ранее либерально выступающих политиков, как Медведева. Когда Медведев еще до своего пребывания в должности Прези-

⁶⁶ Umland A. Russischer Rechtsextremismus im Lichte der jüngeren theoretischen und empirischen Faschismusforschung // Osteuropa. 2008. № 7. P. 901–913.

⁶⁷ Laruelle M. In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia. Basingstoke, 2009.

дента в 2008-2012 г. занимал относительно низкие позиции в российской «вертикали власти» и находился под непосредственным патронажем второго Президента, он был достаточно независимым, чтобы неоднократно и публично объявлять о своей приверженности т.н. европейским ценностям⁶⁸. Но с момента вступления в должность Президента РФ в 2008-ом г. Медведев был вынужден в той или иной мере соответствовать политическим запросам всех лагерей политически значимого идеологического спектра путинской России. Тем самым ему приходилось, в попытке упрочить свое положение в федеральной структуре власти, иметь дело не только с реставрационно-имперскими тенденциями в государственном аппарате и гражданском обществе. Медведев и его сподвижники в российской элите должны были и учитывать еще более экстремистские требования революционных реваншистов, таких как Жириновский и Дугин.

Видимо, причинно-следственная связь здесь двусторонняя. Путин и его помощники в последние годы сделали все более радикальный антиамериканизм своей придворной идеологией. Тем самым бывший офицер КГБ предоставил таким демагогам, как Дугин, новое политическое пространство. В результате существенно преобразованной при Путине информационной политики в сегодняшней России представление, что не наследие советского прошлого, а Запад и в особенности США, несут ответственность за целый ряд, если не большинство, с точки зрения России, негативных политических эффектов последних лет, является непререкаемым трюизмом.

На этом фоне далеко идущие вызовы Жириновского, Дугина и им подобных западному миру, их предложение по созданию совершенно новых великих империй, т.е. их революционный империализм, могут представляться в определенной степени более последовательными ответами на предполагаемую американскую угрозу, нежели обычные ирредентистские чаяния «советских реакционеров»⁶⁹. Заявления Путина и Медведева отражают революционные имперские планы крайне правых, конечно, не прямым образом. Но идеологическое самопозиционирование второго и третьего Президентов РФ частично является и результатом постоянного присутствия революционного экспансионизма в СМИ и на форумах политических, публицистических и научных дискуссий⁷⁰.

Итак, однажды относительно либерально настроенный третий Президент России Медведев был в 2008-2012-х гг. вынужден сформировать в противовес критике крайне правого крыла имперского ультрационализма излишне широкий политический альянс, включающий и реставрационных империалистов. На фоне безумных, но широко освещаемых требований Жириновского, Дугина и им по-

⁶⁸ Umland A. A Second Gorbachev? // Prospect Magazine. 28 March 2008. <http://www.prospectmagazine.co.uk/2008/03/asecondgorbachev/>.

⁶⁹ Umland A. Conceptual and Contextual Problems in the Interpretation of Contemporary Russian Ultrationalism // Russian Politics and Law. 2008. № 4. P. 6–30.

⁷⁰ Umland A. «Neoeurasismus» und Antiamerikanismus als Grundbestandteile des außenpolitischen Denkens in Russland // Russland-Analysen. 2008. № 174. P. 11–14.

добных, Медведев должен был сблизиться с реставрационными империалистами, чтобы обеспечить консолидацию своих позиций в качестве формально главного политического деятеля России. Логика скрытой, но все еще существующей российской политической конкуренции привела его – с учетом проиллюстрированного выше передела российского политического спектра – в ряды «советских реакционеров». Если бы Медведев настаивал на осуществлении своей изначально прозападной политической программы, содержащей идею сближению как с ЕС, так и с США, против него мобилировалась бы коалиция силовиков, политических циников, «советских реакционеров» и крайне правых, которая могла бы спровоцировать его политическую маргинализацию или даже лишение власти уже в начале его президентства в 2008 году.

В качестве прогноза таким образом можно отметить, что если усиливающиеся российский правый экстремизм и революционный империализм не будут обузданы, маргинализированы и/или стигматизированы как неприемлемые фашистские явления и не вытеснены из средств массовой информации и мейнстримовых форумов, то следует ожидать дальнейшего ухудшения отношений между Россией и Западом. Сравнительно прозападные политические деятели и группировки в государственном руководстве, интеллектуальной элите и партийном ландшафте России существуют и будут существовать⁷¹. И западники, возможно, рано или поздно опять будут участвовать в формировании центристской формальной или неформальной правящей коалиций РФ.

Однако в контексте сегодня сложившегося политического истеблишмента, который включает революционных реваншистов в качестве легитимных участников публичного дискурса, вхождение западников во власть может оказаться проблематичным, скомпрометированным или просто невозможным. При условиях ощутимого присутствия таких неофашистов, как Жириновский и Дугин в массмедийных дебатах и в высокой политике России, идеологический центр сегодняшней России будет и далее располагаться вокруг цели, по крайней мере, частичного восстановления российской империи⁷². Пока общая идеологическая гравитация политики и публичный дискурс общественности России и далее будут находиться под влиянием фантастических идей революционных империалистов, перспективы нормализации отношений Москвы как с бывшими советскими республиками, так и с Западом представляются туманными.

⁷¹ Luks L. Freiheit oder imperiale Größe? Essays zu einem russischen Dilemma. Stuttgart, 2005.

⁷² Умланд А. Коричневая стрелка: Взлет Международного «Евразийского движения» // Континент. 2009. № 141. <http://magazines.russ.ru/continent/2009/141/um13.html>.